

Московская Русь на духовном перепутье XVII века: от «древлего благочестия» к «борзостям латинским»

В статье рассматривается вопрос о проникновении западного «латинского» влияния в русскую духовную среду XVII века. Анализируется проблема соотношения веры и разума. В контексте влияния социально-экономических и политических условий российской действительности того времени и научной революции, происходившей в XVII веке на Западе, анализируется духовное противоречие русской жизни между приверженностью традициям и новым рационалистическим типом мировоззрения. Делается вывод о том, что идеальный цельный образ православной допетровской Руси не соответствует исторической действительности русской жизни XVII века.

Ключевые слова: история, философия, древнее благочестие, научное знание, культура, старообрядчество, Никон, Ртищев.

«Братия, не высокоумствуйте! Если спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах, философию ниже очима видех; учуся книгам благодатного закона, как бы можно было мою грешную душу очистить от грехов», — гласит наставление из старинной школьной прописи [2, с. 453].

Шёл далёкий XVII век. Это был последний век той, ещё допетровской, Московской Руси, держащейся старины, древних устоев и обычаев, той Руси, которая кажется нам особым, подлинным древнерусским миром — православным царством. В то время «Православное Царство и Православная Церковь, не сливаясь, составляли единый исторический организм» [3, с. 155]. Бытует представление о размеренном неторопливом патриархальном укладе и всём строе тогдашней русской жизни, воспитанной в благочестивой традиции православной культуры. Но односторонний образ сонной и размеренной домостроевской старины может вызвать непонимание того, что происходило тогда на самом деле. Это был бунташный век, век Стеньки Разина. Начавшийся Смутным временем, погибелью русского государства, весь он был наполнен народными восстаниями, трудами и напряжённым движением. Присоединение и начало освоения Сибири, пройденной русскими первопроходцами до самого Тихого океана, Аляски и Китая, воссоединение с Левобережной Украиной, войны с Польшей, Турцией, крымскими татарами и Швецией, рост городов, ремесла и торговли, появление первых мануфактур, начало складывания единого всероссийского внутреннего рынка, эволюция от сословно-представительной монархии к абсолютизму, церковный раскол, проникновение западного, «латинского» влияния и начавшийся процесс обмирщения русской культуры — вот неполный и неровный перечень крупномасштабных исторических процессов, шедших на Руси в XVII веке и составивших лицо той эпохи. Итак, это было очень беспокойное, бурное, тревож-

ное и противоречивое время, только кажущееся сонной и размеренной стариной. Громадные задачи, стоявшие тогда перед страной, требовали новых знаний, и эти знания пришли к нам из Европы.

История России – это часть общемировой истории, а для человечества XVII век – это время первой научной революции, в ходе которой возникла наука в современном понимании этого слова – рациональная наука, основанная на наблюдениях и экспериментах и призванная постигать природу для овладения ею в целях использования, для удовлетворения человеческих потребностей. XVII век – это век Фрэнсиса Бэкона, Рене Декарта, Бенедикта Спинозы, Лейбница, Томаса Гоббса и Джона Локка, это век Исаака Ньютона, математически объяснившего своей теорией гравитации устройство солнечной системы и порядок движения планет. В 1687 году вышла в свет его знаменитая книга «Математические начала натуральной философии», перевернувшая представления о природе [4]. Россия не могла остаться в стороне от этого роста знания, от новых путей познания и развития техники. Русь православная, тогда ещё неизмеримо далёкая сердцем, умом и совестью от европейского вольномыслия, эмпиризма и рационализма, смутно улавливала эти европейские веяния и уже начинала пользоваться новинками и достижениями новой европейской цивилизации. Эти новшества приходили к нам как «латинское влияние», поскольку латынь была языком светского университетского образования и науки.

Правительство Московской Руси обращалось к иноземцам для удовлетворения насущных материальных потребностей обеспечения обороны страны, усовершенствования военного дела. Заводились полки «нового строя». Ключевский пишет, что России «понадобились пушки, ружья, машины, корабли, мастерство. В Москве решили, что все эти предметы безопасны для душевного спасения, и даже обучение всем этим хитростям было признано делом безвредным и безразличным в нравственном отношении: ведь и церковный устав допускает в случае нужды отступление от канонических предписаний в подробностях ежедневного обихода. Зато в заветной области чувств, понятий, верований, где господствуют высшие, руководящие интересы жизни, решено было не уступать иноземному влиянию ни одной пяди» [2, с. 421]. Мы брали европейские технические новшества «не допытываясь, какими усилиями западноевропейский ум достиг таких технических успехов и какой взгляд на мироздание и на задачи бытия направлял эти усилия» [2, с. 420].

Привлечение иноземцев, рост городов, развитие ремесла и торговли, проникновение новоевропейских знаний и достижений повлекли за собой процесс постепенного обмирщения русской культуры. Можно сказать, что цельного идеального образа православной древнерусской жизни история XVII века не даёт, наоборот, наша страна тогда была на перепутье – историческом и духовном. В. О. Ключевский отметил это духовное перепутье меткой и даже рифмованной метафорой: «совесть русского человека в раздумье стала между родной стариной и Немецкой слободой» [2, с. 454].

С одной стороны, мы видим особую набожность тишайшего царя Алексея Михайловича и заботу государства о защите Церкви и веры православной, с другой – Немецкая слобода, полки нового строя, проникновение латинского и протестантского влияния в русскую жизнь, увлечение польской модой, всевозможными

западными новшествами – техническими, бытовыми и военными, заведение первого придворного театра, где играли немцы – протестанты.

Первоначально в Московской Руси преобладало подозрительное, высокомерное и брезгливое отношение к светским наукам и их плодам, как к чему-то нечистому, греховному, еретическому. Такое мнение основывалось на смутной памяти того, что «корни мирской науки кроются в языческой греко-римской стране», и поэтому «у нас брезгливо помышляли, что эта наука всё ещё питается нечистыми соками такой дурной почвы» [2, с. 453]. Верующие русские люди помышляли, что философская еллинская и латинская мудрость есть дело грешного ума, горделиво и слепо воспаряющего и погибающего в самочинном блуждании. Такой взгляд выражает одно древнерусское поучение: «Богомерзостен пред Богом всякий, кто любит геометрию; а се душевные грехи – учиться астрономии и еллинским книгам; по своему разуму верующий легко впадает в различные заблуждения; люби простоту больше мудрости, неизыскуй того, что выше тебя, не испытай того, что глубже тебя, а какое дано тебе от Бога готовое учение, то и держи» [2, с. 453]. Духовную глубину русский человек обретает в вере [1, с. 29]. Одна из самых дерзких «борзостей латинских» есть научный принцип, утверждённый Рене Декартом – принцип автономности познающего субъекта, позволяющего себе сомневаться во всём и ничего не принимать просто на веру без проверки разумом. Такой принцип ставит под сомнение все авторитеты, хотя сам Рене Декарт и объявлял себя преданным католиком и был искренне верующим человеком. Таким образом, мы видим, что к тому времени в русском обществе установилось высокомерное и подозрительное отношение к участию разума и научного знания в вопросах спасения души, в духовной жизни. При этом люди наивно думали, что можно просто пользоваться готовыми благами научно-технического прогресса, выработанными на Западе католиками и протестантами, а то и атеистами, и при этом самим не заниматься наукой и не вникать в то, как эти блага производятся. При этом Русь стремилась ещё и не отстать от Запада в военном и экономическом отношении – Смоленск нам ещё только предстояло отвоёвывать у поляков. Поэтому рассмотренный образ мыслей был утопическим, внутренне противоречивым и заводил в тупик. Разум – дар Божий, который нельзя зарывать в землю, и познание природы – Божьего творения – есть неискоренимая и естественная потребность нашего ума.

Однако постепенно такое отношение к мирскому образованию и наукам изменялось. На Европу стали смотреть как на школу, в которой можно научиться не только готовому мастерству и ремёслам, но и умению жить и мыслить. Горячим поборником просвещения был ближайший советник царя Алексея Михайловича Ф. М. Ртищев. Он хлопотал о переводе и издании образовательных книг, он основал под Москвой Андреевский монастырь, куда в 1649 году за свой счёт вызвал из Киево-Печерского монастыря около 30 учёных монахов для перевода иностранных книг на русский язык и для обучения москвичей латинской, греческой и славянской грамматике, риторике, философии и другим наукам. По сути, он создал на свои деньги целую школу, ставшую своего рода «вольной академией».

Проводниками западного влияния на Руси были не только приезжие учёные, офицеры, заводчики и мастера, но и люди из окружения самого царя Алексея Михайловича – домашний учитель царевичей Симеон Полоцкий, окольничий

Фёдор Михайлович Ртищев, начальник Посольского приказа, образованный дипломат Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, боярин Артамон Сергеевич Матвеев, дядя царя Алексея Никита Иванович Романов, воспитатель и свояк царя Борис Иванович Морозов и многие другие. Сам царь Алексей Михайлович был проводником западного влияния – он любил западноевропейский комфорт и даже завёл при дворе немецкий театр – забаву, которую блюстители древлего благочестия называли не иначе как «бесовской игрой, пакостью душевной».

В противовес еретическому западному влиянию в сороковых годах XVII века в Москве сложился кружок ревнителей древлего благочестия, в который входили протопоп Благовещенского собора в кремле Стефан Вонифатьев, бывший духовником царя Алексея, Ртищев, Никон – будущий патриарх, на тот момент – архимандрит Новоспасского монастыря в Москве, его земляк, протопоп Казанского собора Иван Неронов, протопоп Аввакум – будущий вождь раскольников, протопопы Логгин из Мурома, Даниил из Костромы и другие. Это были яркие, талантливые, сильные люди, выдающиеся проповедники, которые печалились по поводу неисправностей в церковной жизни, погрешностей в проведении богослужений (таких, например, как многогласие, когда для сокращения времени богослужения одновременно читали и пели сразу несколько молитв, создавая шум, неразбериху и непонимание смысла читаемых молитв). Они были озабочены погрешностями в богослужебных книгах и обрядах, падением монастырской дисциплины и нравов вообще. В условиях проникновения в Россию мирского западноевропейского влияния перед русской церковной иерархией стояла задача поощрения правительства в борьбе с католиками и протестантами. Готовясь к этой борьбе, «русское церковное общество насторожилось, спешило прибраться, почиститься, собраться с силами, внимательнее присмотреться к своим недостаткам: издаются строгие указы против суеверий, языческих обычаев в народе, безобразного провозждения праздников, против кулачных боёв, заторных игрищ, пьянства и невежества духовенства, против беспорядков в богослужении. Спешили возможно скорее вымести сор, небрежно копившийся вместе с церковными богатствами шесть с половиной столетий» [2, с. 457]. Особую озабоченность вызывали расхождения в церковных книгах, ошибки и описки, накопившиеся при переводах и переписывании, неясные тёмные места, слова и обороты речи.

Первоначально ревнители благочестия предполагали исправлять все эти погрешности по древним русским рукописям и решениям Стоглавого собора 1551 года. Но при сопоставлении текстов обнаружилось, что в древних русских книгах так же встречаются несоответствия, ошибки, неясные и тёмные места. Тексты, которые должны были бы быть одинаковыми, содержали соблазнительные различия, вызывавшие опасения, что церковь русская не содержит истинного учения во всей правильности и чистоте. Эти различия были очень опасны, ведь мы придерживаемся правила, по которому ни единого слова, ни единой буквы нельзя прибавить или убавить из Священного Писания и канонов, ибо, однажды начав подправлять Писание по своему человеческому разумению, соответствующему духу времени, можно так всё исказить, что от первоначального учения ничего не останется. Апостол Иоанн Богослов говорит в Апокалипсисе: «И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей; и если кто

отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей» (От. 22: 18, 19).

В борьбе за церковное благочестие русские иерархи стали искать союзников и нашли их в лице учёных киевских монахов. В 1649 – 1650 годах в Москву выписали из Киева – из тамошней академии и Киево-Печерской лавры – учёных монахов Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского и Дамаскина Птицкого. Им поручили перевести Библию с греческого языка на славянский. Они и другие справщики текстов заглянули в древние русские книги и «ужасошася». Так началось исправление русских книг по греческим оригиналам. Потом, в 1652 году, когда один из наиболее ярких представителей кружка ревнителей древнего благочестия Никон стал патриархом, процесс исправления книг, обрядов и богослужения ещё более усилился и в силу множества причин привёл к тяжелейшей духовной трагедии русского народа – к церковному расколу. В 1654 году Никон провёл на соборе решение переиздать церковные книги, взяв за образцы древние греческие оригиналы и верные им древние славянские пергаменты.

Одним из противоречий духовного распутья Руси XVII века был распад кружка ревнителей древнего благочестия – из единомышленников и соратников некоторые из них превратились в злейших врагов. Аввакума били, пытали и гнали в Сибирь, а сам Аввакум неистово желал лютой смерти Никону и никонианам. Феодора Михайловича Ртищева – человека тихого, смиренного и ласкового, искреннего бесребренника, бескорыстно отдававшего свои деньги на приюты для больных и нищих и на школы, сочли почти еретиком за его начитанность, за его приверженность делу школьного просвещения, за пользование латинским и греческим языком и премудростью.

Мы здесь не рассматриваем причины, суть и последствия церковного раскола на Руси, отметим только, что когда раскол начался, то звание и миссию ревнителей древнего благочестия присвоили себе старообрядцы [5, с. 229]. Они стали хранителями обрядовой и даже бытовой старины – в их жизни время как бы остановилось. Они сохраняют не только старое книжное начертание, не только двоеперстие, хождение посолонь, долгое стояние на службах и сугубую Аллилуйю, но и патриархальность быта и семейных устоев, послушание детей родителям, а жён – мужьям, отстранение от табака, танцев, театров и прочих мирских непотребств, пришедших с Запада, приверженность скромной старинной одежде, ношение бороды и заплетание кос и т. д. Этой частью русского церковного общества было взято за правило, что подобает молиться и веровать, как веровали и молились отцы и деды, а «внукам ничего не остаётся более, как хранить без размышления дедовское и отцовское предание» [2, с. 452]. Святость преподобного Сергия Радонежского и других древних отцов не подлежит сомнению, а ведь все они спасались по тем, древним, книгам. Для приверженцев старины ставить под сомнение правильность древних книг означало сомневаться в святости древних отцов, по благодатному примеру которых люди живут уже многие сотни лет. Такого сомнения быть не могло, а значит, не могло быть и сомнения в правильности и спасительности древних текстов, которыми те отцы пользовались.

После резкого размежевания раскольников от официальной Церкви, люди, наиболее убеждённые в пагубности всего, приходящего на Русь с Запада, оказались в лагере старообрядцев и временно отошли в сторону от актуальных исторических процессов – их реальность была законсервирована. Наиболее фанатичные

или обманутые фанатиками простые старообрядцы погибли от гарей – самосожжений и «запощеваний» до голодной смерти. Уже только к концу XVII века так погибло около 20 тысяч человек. Оставшиеся в обществе люди были более податливы западному влиянию и к родной домашней старине и обычаям относились проще и прохладнее. Вообще, не надо делать идола из преходящих земных вещей, обычаев, привычек и установлений. Культура каждого народа впитывает в себя культуру соседей. Нельзя выбрать себе в качестве неизменного образца только какой-нибудь один временной срез культуры и следовать ему, полагая, что это и есть та самая, истинная, коренная, родовая культура. Так отсекается всё последующее богатство, все труды и подвиги народа. Такое понимание – всего лишь самообман. Когда была «та самая» истинная Русь – Гиперборея при скифах и сарматах, или Русь при Кие, Хориве, Щеке и сестре их Лыбеди, или при Олеге Вещем, или при Владимире Красно Солнышко и Ярославе Мудром, или при Александре Невском, или при Сергии Радонежском, когда? Она всегда была истинной Русью.

К концу XVII века темпы перемен ещё более ускоряются и начинается уже новая эпоха в жизни нашего народа – эпоха Нового времени, начатая петровскими преобразованиями. Многие дворяне следующего столетия стали «иностранцами в собственной стране», и русская культура как бы разделилась надвое – на мир традиционной православной русской культуры – мир крестьян, духовенства, купцов, ремесленников и казаков – и мир образованных дворян, говорящих по-немецки и по-французски и щеголяющих вольтеровским вольнодумством. Духовное перепутье XVII века разрешилось консервацией одной части общества и отходом от традиций другой его части, и впоследствии только самые искренние и талантливые представители русского общества смогли соединить в себе смелость искания научного разума и укоренённость в православной традиции, любовь к Родине и её истории. Они смело, открыто и честно смотрели на науку, развивая и используя её на благо, а не прячась от её вызовов.

Литература

1. Ефименко, М. Н. Особенности характера русского человека в парадигме «творческого традиционализма» К. Н. Леонтьева // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2019. – Вып. 3 (12). – С. 28 – 33.
2. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций. Книга II. – Минск : Харвест, 2007. – 592 с.
3. Кузахметов, Р. К. Симфония властей – цивилизационная ценность и феномен русской истории в XIII – XVII веках // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2019. – Вып. 2 (11). – С. 147 – 157.
4. Ньютон Исаак. Математические начала натуральной философии. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 704 с.
5. Полшкова, Л. Б. Религиоведческая классификация старообрядческих общин, толков и согласий // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2017. – Вып. 1 (7). – С. 228 – 238.

D. A. Shcherbakov

Moscow Russia at the spiritual crossroads of the XVII century: from «ancient piety» to «Latin greyhounds»

The author investigates the issue of the penetration of Western «Latin» influence into the Russian spiritual environment of the 17th century. The problem of the relationship of faith and reason is analyzed. The spiritual contradiction of Russian life between adherence to traditions and the new rationalist type of

worldview is being studied in the context of the influence of the socio-economic and political conditions of the Russian reality of the time and the scientific revolution that took place in the 17th century in the West. It is concluded that the ideal whole image of Orthodox Russia before Peter the First does not correspond to the historical reality of Russian life of the 17th century.

Key words: history, philosophy, ancient piety, scientific knowledge, culture, old-fashioned, Nikon, Rtishchev.

References

1. Efimenko, M. N. Osobennosti haraktera russkogo cheloveka v paradigme «tvorcheskogo tradicionalizma» K. N. Leont'eva [Features of the character of the Russian person in the paradigm of «creative traditionalism» by K. N. Leontiev] // Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii [Bulletin of the Orenburg theological Seminary], 2019. No. 3 (12). – pp. 28 – 33.

2. Klyuchevsky, V. O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij xRussian history. Full course of lecturesъ. Book II. Minsk: Harvest, 2007. – 592 p.

3. Kuzakhmetov, R. K. Simfoniya vlastej – civilizacionnaya cennost' i fenomen russkoj istorii v XIII – XVII vekah [Symphony of the authorities-civilizational value and phenomenon of Russian history in the XIII-XVII centuries] // Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii [Bulletin of the Orenburg theological Seminary], 2019. No. 2 (11). – pp. 147 – 157.

4. Newton, Isaac. Matematicheskie nachala natural'noj filosofii [Mathematical principles of natural philosophy]. Moscow: LENAND, 2019. – 704 p.

5. Polshkova, L. B. Religiovedcheskaya klassifikaciya staroobryadcheskih obshchin, tolkov i soglasij [Religious studies classification of old believers ' communities, interpretations, and consents] // Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii [Bulletin of the Orenburg theological Seminary], 2017. No. 1 (7). – pp. 228 – 238.